

Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль»

История и культура Ростовской земли

2016

Ростов
2017

Ярославский Часослов XIII в. как часть ростовского монастырского наследия

Н. Н. Бедина

Большинство исследователей датируют Ярославский Часослов XIII веком и относят его к южнорусской книжной традиции¹. Но до начала XVIII в. сборник, видимо, принадлежал Успенскому собору Ростова Великого в период, когда там размещалась архиерейская кафедра². В настоящее время рукопись хранится в фондах библиотеки Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника³.

Чин в Ярославском Часослове имеет ряд особенностей. Е. Э. Слива, выявляя особенности состава славянских Часословов XIII–XIV вв., сопоставил его с рукописями РНБ, Q.п.1.57. (XIII в.) и РНБ, Соф. 1052 (XIV в.) и на основании анализа очередности и состава суточных служб пришел к выводу, что все три Часослова принадлежат к одной традиции, отражающей влияние Студийского устава в славянских землях⁴. А точнее — Алексиевской редакции Студийского устава из монастыря Успения Божией Матери в Константинополе, основанного патриархом Алексием в 1034 г.

Однако при большом количестве совпадений в чинопоследованиях Часословов Ярославского музея и РНБ первый имеет и существенные особенности, выделяющие его из общей традиции и говорящие, на наш взгляд, прежде всего о келейном характере Часослова.

1. Службы чина часов (5–43 лл.) приурочены не к 1, 3, 6, 9 часам, как в Часословах РНБ, а с 1-го по 12-й. Нужно уточнить, что рукопись

¹ Барсов Е. В. Харатейный список XIV в. молитв Кирилла Туровского // Труды 7-го Археологического съезда в Ярославле. М., 1892. Т. 3. С. 46–51; Раевский А. С. О Часослове библиотеки Ярославского архиерейского дома XIII в. // Труды XI Археологического съезда. М., 1902. Т. 2. Протоколы. С. 72–73; Слива Е. Э. Часословы студийской традиции в славянских списках XIII – XV веков (классификация по особенностям состава) // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 91–106; Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910; Сперанский М. Н. Ярославский збірник XIII в. // Науковий збірник за рік 1924. Записки Всеукраїнської АН. Київ, 1925. Т. 19. С. 29–36.

² Владимир, иером. Ярославский Спасо-Преображенский монастырь, что ныне Архиерейский дом. М., 1881. С. 101; Моисеева Г. Н. Судьба пергаменного Часослова, «уничтоженного» в 1788 г. вместе со Спасо-Ярославским хронографом. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 318.

³ Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник, Библиотека, № 15481.

⁴ Слива Е. Э. О некоторых церковнославянских Часословах XIII–XIV вв. (особенности состава) // Русь и южные славяне. Сб. ст. к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина (1894–1987). СПб., 1998, С. 187; Слива Е. Э. Часословы студийской традиции... С. 91–106.

начинается с конца 7-го часа⁵. Если службы 7 и 10 часов легко соотносятся с почасиями 6 и 9 часов в Часословах РНБ, то службы 8, 11 и 12 часов не встречаются не только в Часословах РНБ, но и ни в одном из славянских Часословов и Типиков, описанных такими авторитетными исследователями православной богослужебной традиции, как И. Д. Мансветов и Е. П. Диаковский⁶.

2. Особый характер молитвословий ярославской рукописи: практически все они имеют «покаянно-умилительный» или «просительный» характер, а не «хвалебно-благодарственный», присущий, по Диаковскому, молитвам общественных служб; почти все написаны от 1-го лица ед. ч. (кроме молитвословий 9-го часа) и, самое примечательное, во многих молитвах присутствует формула так называемое «имя рек», предполагающая имя молящегося, и предложено помянуть «кого же хошеши» (последование 10, 12 часа, изобразительных и «кончавше часы»).

3. В отличие от рукописей РНБ, в Ярославском Часослове нет чтений Евангелия и Апостола и, уже в отличие только от рукописи Q.п.I.57., нет возгласов священника и дьякона и нет молитв к причащению в последовании изобразительных. На месте этих молитв стоят особенные, не встреченные нами ни в каком другом Часослове молитвы, среди которых — знаменитая молитва Феодосия Печерского «о верных» (или «за вся крестьяны»). Кроме того, в состав Ярославского Часослова включены особые для ярославской рукописи чины, куда входит знаменитый цикл покаянных молитв св. Кирилла Туровского «по часех» и «по вечерах» («по утрени» в ярославском сборнике утрачены). Они носят явно келейный характер⁷, на что указывает «предисловие» к молитвам «кончавше часы»: «Колиждо творять сию молитву на всякъ день, ни зль человекъ, ни дьяволъ никогда же ни единою же лъстиею съблзвити можетъ, ни на душу ни на тело, и аще от сего жития преставиться, адъ тоя душа не приметъ». Причем это последование не отделяется от чина часов, а является его прямым продолжением, что косвенным образом подтверждает келейный характер часовых служб и чина изобразительных в целом.

О характере «Чина вечернего» можно говорить с меньшей определенностью. Однако здесь можно отметить увеличение, по сравнению с рукописью

⁵ Выпавшая из блока книги тетрадь под № 57 была впоследствии подшита к началу рукописи (л. 1–4) перед неполной 32-й тетрадью. Таким образом, началом рукописи следует считать 5-й лист. См.: Раевский А. С. О Часослове библиотеки Ярославского... С. 72–73; Слива Е. Э. О некоторых церковнославянских Часословах...

⁶ Мансветов И. Д. Церковный устав (Типик). Его образование и судьба в греческой и русской церкви. М., 1885; Диаковский Е. П. Последование часов и изобразительных. Истор. исследование. Киев, 1913.

⁷ Григорович В. И., издавший 30 молитв Кирилла Туровского в журнале «Православный собеседник» 1857 г., а за ним Г. Подскальски также указывают на то, что молитвы Кирилла Туровского на все дни седмицы предназначались скорее для индивидуального моления. См.: Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996.

РНБ Q.п.1.57, числа псалмов (к 103 и 140 добавлены еще 141, 129, 116 псалмы), что больше характерно для частного Богослужения⁸.

Большое количество молитв русского происхождения, входящих в состав рукописи, в том числе и молитвы св. Кирилла Туровского, уставные пометы со ссылками на «уставъ убогаго мниха Кюрила», а также расположение молитвы св. Феодосия Печерского «О верныхъ» внутри Богослужебного чина изобразительных (что расходится с общецерковной практикой) подтверждает предположение о том, что Ярославский Часослов был составлен на Русской земле и, возможно, является одним из ближайших списков утраченного «авторского» сборника св. Кирилла Туровского, книжника XII в.⁹

В целом книжная культура Руси конца XII – XIII вв. знаменуется созданием русской редакции различных служебных и четких сборников за счет расширения их состава русскими оригинальными текстами. Как показывают исследования двух последних десятилетий, в это время составляются пространная и краткая редакции русского Пролога, включающие в текст переводного (греческого) Синаксаря статьи, посвященные русским святым и праздникам, актуальным, прежде всего, для Северо-Восточной Руси¹⁰; в различных книжных центрах на всей территории Руси оформляется Новая редакция Кормчей книги, Сербский оригинал в которой дополнен сочинениями Кирилла Туровского, учительными и светскими правовыми текстами¹¹; с XIII в. известны списки русской версии Профитология (паримийника), включающие наряду с ветхозаветными чтениями память свв. Борису и Глебу¹². В этот же период создается так называемый Успенский сборник, представляющий собой сборник особого состава типа Торжественника, объединяющий избранные Слова на Страстную и Светлую седмицу с житийными чтениями, – самый ранний список житий русских святых¹³. Ярославский Часослов органично вписывается в эту общерусскую тенденцию.

Вместе с тем, литургической основой чинопоследований Ярославской рукописи, дополненной русскими оригинальными сочинениями, является синтез греческого Студийско-Алексиевского устава и восточной традиции келейного (индивидуального) моления. Еще Раевский А. С. в 1902 г. в своем докладе о Ярославском Часослове упоминает о некоем эфиопском

⁸ Мансветов И. Д. Церковный устав (Типик)...

⁹ Филипповский Г. Ю. Спасский пергаменный молитвослов и истоки культуры Ярославля начала XIII в. // «Минувших дней связующая нить». Тезисы V Тихомировских чтений. Ярославль, 1995, С. 3–6; Рогачевская Е. Б. Цикл молитв Кирилла Туровского. Тексты и исследования. М., 1999.

¹⁰ Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV веков. М., 2009.

¹¹ Столярова Л. В., Каиштанов С. М. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). М., 2010. С. 162–163.

¹² Алексеев А. А. Византийско-славянский профитологий (формирование состава) // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 46–77.

¹³ Успенский сборник XII–XIII вв. / ред. С. И. Котков. М., 1971.

Часослове, содержащем подобные часы¹⁴, правда, без указания на точное название рукописи и ее местонахождение. Эта древняя восточная традиция, видимо, была необходимым для составителя Часослова освященным Восточно-христианской Церковью основанием для создания келейного, частного Богослужебного сборника¹⁵. Эта же традиция, возможно, связанная с богослужебной практикой египетских монахов-отшельников, повлияла и на формирование Иерусалимского устава¹⁶, который с XIV в. был принят и на Руси.

В литургической практике Русской церкви традиционно выделяется четыре периода: начальный, студийский (со второй половины XI в. после принятия Студийско-Алексиевского устава), иерусалимский (с конца XIV в. с принятием Иерусалимского устава) и иерусалимский второй (со второй половины XVII в.). На протяжении XIV–XV веков Студийский устав в богослужении вытесняется Иерусалимским, первая русская редакция которого появляется в конце 60-х годов XIV в. при митрополите Московском Алексии († 1378 г.), а вторая, известная под названием «Око церковное», – в конце XIV в., при митрополите Киприане († 1406 г.)¹⁷. К этому времени он уже получает распространение в Византии, на Афоне и у южных славян.

Как убедительно продемонстрировал А. М. Пентковский, «Иерусалимский типикон, известный также под поздним названием «Устав лавры Саввы Освященного», вторичен по отношению к Студийскому синаксарю и представляет собой адаптацию последнего к обычаям палестинских киновий, произведенную, вероятно, в X столетии»¹⁸. Вместе с тем, считается, что под влиянием палестинской анахоретской традиции в Иерусалимском уставе усилен элемент индивидуального, келейного моления и чтения¹⁹, а переход от Студийского к Иерусалимскому уставу в Русской церкви, как и в Византии, и в югославянских странах, связывают с особым влиянием исихастского движения XIV – начала XV в., традиции которого на Руси реализуют в молитвенной монашеской практике преп. Сергей Радонежский († 1392 г.) и его ученики, своим авторитетом поддержавшие богослужебную реформу митрополитов Московских Алексия и Киприана, в результате которой на Руси распространяется Иерусалимский устав.

¹⁴ Раевский А. С. О Часослове библиотеки Ярославского... С. 72–73.

¹⁵ Сперанский М. Н. Ярославский збірник XIII в. С. 32; Рогачевская Е. Б. Цикл молитв Кирилла Туровского. Тексты и исследования; Филипповский Г. Ю. Спасский пергаменный молитвослов...

¹⁶ Диаковский Е. П. Последование часов и изобразительных... С. 94–99; Пентковский А. М. Константинопольский и иерусалимский богослужебные уставы // Журнал Московской Патриархии. 2001. № 4. С. 79.

¹⁷ Пентковский А. М. Из истории литургических преобразований в Русской Церкви в третьей четверти XIV столетия (Литургические труды святителя Алексия, митрополита Киевского и всея Руси) // Символ. Paris, № 29, 1993. С. 220–236.

¹⁸ Пентковский А. М. Константинопольский и иерусалимский богослужебные уставы. С. 79.

¹⁹ Дмитриевский А. А. Древнейшие потриаршие типиконы: Святогробский Иерусалимский и Великой Константинопольской Церкви. Киев, 1907. С. 213; Диаковский Е. П. Последование часов и изобразительных... С. 94–99.

Кроме восточной литургической традиции, в составе Ярославского Часослова имеется большое количество молитв, имеющих западно-латинское происхождение²⁰. Их присутствие в сочетании с келейно-индивидуальным характером последований часов и изобразительных позволяет предположить связь составителя (или заказчика) рукописи с западнославянскими монастырями²¹: западная традиция, по словам Е. П. Диаковского, «вполне усвоила молитвенную практику восточных отшельников... и тогда как на Востоке келейно-монастырские последования в их чистом виде были явлением временным, переходным, — на Западе они становятся постоянной нормой, из границ которой западная практика не выходит...»²².

В целом появление Ярославского Часослова вписывается в общехристианскую картину, по словам Ю. П. Зарецкого, «небывалого по масштабам и силе процесса углубления человека внутрь самого себя»²³ в Европе XIII–XIV вв. И. М. Грицевская, сопоставляя позиции древнерусских книжников XII в. и конца XIV — начала XV в., говорит о «глубинной индивидуализации монашеской жизни и всего монашеского правила»²⁴, имевшей место на Руси к XV в. Если Симон, епископ Владимирский (XII в.), пишет: «Все бо, елико твориши в кѣлии, ничтоже суть: аще и Псалтырь чтеши или обанадесять псалма поеши, ни единому «Господи помилуй» — и уподобится съборному»²⁵, то преп. Кирилл Белозерский в начале XV в. учит: «Сице твори всегда: первое в келию иди, и келия всему научит тя»²⁶. Появление с XIII в.

²⁰ *Соболевский А. И.* Материалы и исследования в области...; *Сперанский М. Н.* Ярославский збірник XIII в. С. 29–36; *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература... *Раевский А. С.* О Часослове библиотеки Ярославского...; *Филипповский Г. Ю.* Спасский пергаменный молитвослов...; *Mareš F. W.* An Anthology of Church Slavonic Texts of Western (Church) Origin. Munchen, 1979.

²¹ В конце XII — начале XIII в. можно предположить связь с венгерскими монастырями в Вышеграде и Тормове, где нашли убежище православные монахи чешского Сазавского монастыря, изгнанные из Чехии во второй половине XI в., и где в 60-х годах XII в. особенное влияние имела Византия. См.: *Карташев А. В.* История Русской Церкви: в 2-х т. М., 2006. С. 179; *Соболевский А. И.* Материалы и исследования в области... С. 36–58; *Mareš F. W.* An Anthology of Church Slavonic Texts of Western (Church) Origin. С. 14–16; *Кошелева В.* Великие женщины Древней Руси XI–XIII века [Электронный ресурс]: URL: <http://www.vinograd.su/education/detail.php?id=43069> (Дата обращения: 12.05.2017).

²² *Диаковский Е. П.* Последование часов и изобразительных... С. 104.

²³ *Зарецкий Ю. П.* Феномен средневековой автобиографии // История субъективности: средневековая Европа / сост. Ю. П. Зарецкий. М., 2009. С. 34–35. Ю. П. Зарецкий видит особый импульс процессу индивидуализации и самоуглубления человека в практике церковной исповеди, получившей в Римско-Католической церкви особенное развитие после решений IV Латеранского собора (1215 г.).

²⁴ *Грицевская И. М.* Чтение и четьи сборники в русских монастырях XV–XVII вв. СПб., 2012. С. 48–49.

²⁵ Киево-Печерский патерик / подг. текста Л. А. Ольшевской; пер. Л. А. Дмитриева; коммент. Л. А. Дмитриева и Л. А. Ольшевской // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4. С. 354.

²⁶ *Грицевская И. М.* Чтение и четьи сборники в русских монастырях XV–XVII вв. С. 49.

крупных монастырских, кафедральных и княжеских библиотек²⁷, большой интерес к исихастской (и шире — византийской) богословской традиции в XIV — начале XV в.²⁸, распространение в древнерусской книжной традиции XIV—XVI вв. индексов истинных книг и ложных²⁹ говорит о важности индивидуального келейного пребывания и чтения.

Ярославский Часослов является одним из первых свидетельств начала этого процесса в русской культуре. Возможны несколько версий создания рукописи и ее появления в Ростовской (а с XVIII в. в Ярославской) архиепископской библиотеке. Она могла быть привезена в библиотеку Успенского собора в результате книжной собирательской деятельности ростовских епископов Кирилла I (1216—1229) или Кирилла II (1230—1262)³⁰ при поддержке княжеской семьи как список «авторского» сборника св. Кирилла Туровского в качестве одного из руководств здешним монастырям. Но могла быть составлена уже в Северо-Восточной Руси, и ее появление в Ростовской библиотеке Успенского собора могло быть связано с церковно-просветительской деятельностью митр. Кирилла III (1249—1281), перенесшего митрополичий двор с Юга Руси (из Киева) на Северо-Восток.

С одной стороны, митрополит Кирилл, безусловно, поддерживает отношения с инославянскими церквями (в том числе и венгерскими православными монастырями), а с другой, при его дворе, как убедительно доказывает А. Н. Ужанков, продолжает свое развитие галицкая литературная школа³¹. Внутри этой школы создается русская редакция Кормчей книги, которая формируется за счет добавления к сербскому оригиналу, прежде всего, сочинений св. Кирилла Туровского, так же как и последования часов в Ярославском Часослове. Можно предположить, что внутри этой книжной школы создается (или переписывается) и Ярославский Часослов, а поскольку митр. Кирилл одной из задач ставил перед собой устранение «беспорядков литургических», то рукопись могла быть передана в качестве руководства ростовским монастырям.

В любом случае, был ли Ярославский Часослов составлен в конце XII в. или в течение XIII в., он знаменует начало в русской духовной традиции общего для всей европейской культуры процесса индивидуализации духовной жизни человека.

²⁷ *Столярова Л. В., Каштанов С. М.* Книга в Древней Руси (XI—XVI вв.). С. 207—223; *Кукушкина М. В.* Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры 16—17 вв. / Л., 1977; *Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV веков. С. 251.

²⁸ *Прохоров Г. М.* Византийская литература XIV в. в Древней Руси. СПб., 2009.

²⁹ *Грицевская И. М.* Чтение и четьи сборники в русских монастырях XV—XVII вв. С. 49.

³⁰ *Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV веков. С. 251.

³¹ *Ужанков А. Н.* «Летописец Даниила Галицкого» в контексте литературных произведений XII—XIII вв. // *Герменевтика древнерусской литературы.* М., 2010. Сб. 15. С. 559—580. С. 576—578.